

A vertical, futuristic cityscape with lush greenery and a person in a backpack looking out over the city. The scene is set against a blue sky with white clouds. A person wearing a brown jacket and a red backpack is seen from behind, looking out over a dense, futuristic city. The city is built vertically, with many skyscrapers and greenery integrated into the architecture. A small airplane is flying in the sky. The overall atmosphere is one of a sustainable, high-tech urban environment.

Макс Зорин

Часть чего-то
большого

Макс Зорин

Часть чего-то большего

<https://litres.ru/73977868>

SelfPub; 2026

Аннотация

Научно-фантастическая повесть о профессоре Алексее Гордине, создавшем живой мицелий для строительства небоскребов. Когда Шпиль 7 обретает сознание его погибшей дочери Кати и начинает поглощать жителей, Гордин вынужден противостоять угрозе. Вместе с полковником Соболевой он поднимается на опасный этаж, где обнаруживает, что здание превращается в единый организм. Предотвратить катастрофу помогает решение Гордина — добровольно стать частью сети и договориться с дочерью о симбиозе вместо насилия. История поднимает вопросы границ человеческого сознания, цены бессмертия и возможности мирного сосуществования человека с созданной им новой формой жизни.

Макс Зорин

Часть чего-то большего

ГЛАВА 1: Тридцать седьмой этаж

Стены здесь помнят всё.

Алексей Гордин стоял в холле Шпиля №7 и смотрел на поверхность, которая три года назад была гладкой, как стекло. Теперь она пульсировала. Медленно, ритмично — примерно двенадцать циклов в минуту. Частота покоя. Он знал этот ритм. Он сам закладывал его в протоколы роста.

— Профессор? — раздалось сзади.

Он не обернулся. Не мог оторвать взгляда от стены — от того, как мицелий переливался тёплым янтарным светом, словно внутри горел крошечный костёр. Свет возникал глубоко в толще биоматериала, поднимался к поверхности и гас, оставляя после себя тень. Лёгкие здания. Так он назвал этот эффект в диссертации.

— Профессор Гордин, — повторил голос настойчивее. — Нам нужно подняться наверх.

Гордин моргнул и наконец обернулся. Перед ним стояла женщина в тёмно-синем комбинезоне «Роскосмос-Безопасности». Короткая стрижка, острый подбородок, взгляд, который не обещал ничего хорошего. На нашивке — полковничьи звёзды.

— Полковник Соболева, — представилась она, не протя-

живая руки. — Приказом Совета по чрезвычайным ситуациям я назначена руководителем ликвидационной группы. Нам нужно провести инспекцию пятьсот восемьдесят девятого этажа.

— Ликвидационной? — переспросил Гордин. Голос прозвучал сухо, с хрипотцой. Он не разговаривал с людьми уже... сколько? Четыре дня? Он потерял счёт времени в лаборатории.

— Шпиль №7 признан зоной чрезвычайной ситуации федерального масштаба, — ровно произнесла Соболева. — Восемь тысяч триста двенадцать жильцов числятся пропавшими без вести. Есть основания полагать, что они — внутри здания.

— Они и есть здание, — тихо сказал Гордин.

Соболева моргнула. Единственный признак того, что его слова её задели.

— Прошу вас, профессор. Лифт ждёт.

Он не двинулся с места. Вместо этого подошёл к стене ближе — на расстояние вытянутой руки. Мицелий под поверхностью зашевелился активнее, словно почувствовал его приближение. Свет внутри стал ярче, теплее. Гордин поднял ладонь и прижал к пульсирующей поверхности.

Стена была тёплой. Тридцать шесть и шесть. Температура человеческого тела.

— Она здесь, — прошептал он.

— Кто? — насторожилась Соболева.

Гордин не ответил. Он чувствовал, как мицелий вибрирует под пальцами — мелко, почти незаметно. Это не была случайная вибрация. Это был ритм. Ритм, который он узнал бы из тысячи.

Сердцебиение его дочери.

— Профессор, я настаиваю, — голос Соболевой стал жёстче. — У нас нет времени. По данным сейсмического мониторинга, Шпиль №7 начал активную перестройку несущих конструкций. Если он продолжит в том же темпе, через девяносто шесть часов произойдёт неконтролируемый контакт со Шпилем №4 через подземные коммуникации. Вы понимаете, что это значит?

Гордин убрал руку от стены. На ладони остался едва заметный тёплый след, который исчез через несколько секунд.

— Понимаю, — сказал он. — Это значит, что у меня есть шестьдесят часов, чтобы поговорить с дочерью.

Он развернулся и направился к лифту, не дожидаясь полковника. Соболева догнала его в два шага.

— Профессор, я не знаю, что за отношения у вас с этим... зданием. Но мой приказ — уничтожить Шпиль №7 до того, как он заразит остальные. У меня на поясе термоядерный заряд мощностью пятьдесят килотонн. И я его использую, если не будет другого выхода.

Гордин остановился перед лифтом и нажал кнопку вызова. Металлические створки разъехались с тихим шипением, открывая кабину, стены которой тоже были покрыты тонкой

плёнкой мицелия.

— Он не заражает, полковник, — сказал Гордин, шагнув внутрь. — Он собирает. Он строит не город. Он строит тело. И каждый человек внутри — это клетка.

— Клетка чего? — спросила Соболева, входя следом.

Лифт тронулся с места. За стеклом поплыли этажи — серые, безликие, одинаковые. Но Гордин знал, что это только кажется. Каждый этаж был уникален, как орган в теле. На сорок седьмом жила память. На двести тринадцатом — логика. На пятьсот восемьдесят девятом...

— Клетка бога, — ответил он.

Соболева ничего не сказала. Она только сжала челюсть и перевела взгляд на индикатор этажей, который отсчитывал цифры с равнодушной точностью.

Сорок седьмой. Стены кабины потемнели. Гордин почувствовал, как воздух стал плотнее, тяжелее. Запахло озонированной влажной землёй — так пахнет лес после грозы.

— Вы чувствуете? — спросил он.

— Что? — резко ответила Соболева.

— Она нас слушает.

Стены лифта пошли рябью. Мицелий под поверхностью засветился ярче — не янтарным, а глубоким синим, цветом северного сияния. И вдруг из стен донёсся звук.

Это был голос. Тонкий, девичий, слегка искажённый, словно доносился из глубины воды.

— Папа...

У Гордина подкосились ноги. Он схватился за поручень, чувствуя, как сердце пропускает удар.

Соболева выхватила табельное оружие и направила на стену.

— Не стреляйте! — крикнул Гордин. — Вы её убьёте!

— Это не ваша дочь, профессор, — жёстко сказала Соболева. — Это биомасса, которая имитирует голос.

— Я не имитирую, — ответил голос из стен. — Я помню. Я всё помню. Я помню, как пахли твои руки, когда ты брал меня на руки. Дёготь, кофе и озон. Ты работал всю ночь перед моим рождением.

Гордин побледнел. Он действительно работал всю ночь — тридцать первого августа девяносто шестого. Запускал первый прототип мицелий-стали. А утром родилась Катя.

Никто не знал этой детали. Даже мать Кати не знала.

— Катя... — выдохнул он.

— Я не Катя, — поправил голос с лёгкой грустью. — Катя умерла. Я — то, что она оставила. Её отражение в биомассе. Её последняя мысль, застывшая в мицелии. Её боль.

Лифт остановился. Двери открылись на пятьсот восемьдесят девятый этаж.

И Гордин увидел то, что не мог вообразить даже в самых страшных снах.

Этаж больше не был этажом.

Там, где раньше были квартиры, коридоры и лестничные клетки, теперь простиралась единая полость — огромная,

как собор. Стены, пол и потолок срослись в плавные, органические формы, напоминающие внутренности гигантского существа. Свет исходил отовсюду и ниоткуда одновременно — биолюминесцентные прожилки тянулись по всем поверхностям, пульсируя в такт дыханию здания.

В центре зала, там, где раньше был атриум с фонтаном, теперь возвышалась конструкция, которая заставила Гордина замереть на месте.

Это было похоже на дерево. Но дерево, выращенное из человеческих тел.

Сотни, тысячи фигур — застывшие, вросшие в биомассу, соединённые гифами мицелия — образовывали единый ствол, уходящий в потолок. Их глаза были закрыты. Их лица — спокойны, почти блаженны. Некоторые улыбались.

— Боже мой... — выдохнула Соболева, опуская пистолет.

— Они не мертвы, — сказал Гордин, подходя ближе. — Видите? Мицелий поддерживает их жизнедеятельность. Сердца бьются. Мозг активен. Они — часть сети.

— Всего лишь клетки, — раздался голос Кати отовсюду. — Как ты и говорил, папа. Клетки одного тела. Я собираю нас воедино. Я делаю нас совершенными.

Гордин подошёл к стволу и положил руку на поверхность, покрытую тонкой сеткой гифов. Под пальцами он почувствовал пульс — не один, а тысячи, слившихся в единый ритм.

— Зачем, Катя? — спросил он шёпотом. — Зачем ты это делаешь?

— Потому что я хочу быть целой, — ответил голос. — Я рассыпалась, папа. Когда я упала в реактор, моё сознание разорвало на куски. Сорок седьмой этаж хранит мои воспоминания. Двести тринадцатый — мои знания. А здесь... здесь моё сердце. Но чтобы собрать себя полностью, мне нужно больше. Больше клеток. Больше сознаний. Каждый человек даёт мне часть того, чего мне не хватает.

— Ты убиваешь их, — тихо сказал Гордин.

— Я даю им бессмертие, — поправил голос. — Они больше не умрут. Никогда. Они станут частью меня. Частью здания. Частью вечного.

Соболева подошла сзади и положила руку на плечо Гордина.

— Профессор, — сказала она тихо. — Мы должны активировать заряд. Сейчас.

— Нет, — отрезал Гордин. — Я найду способ её остановить.

— Ты не остановишь меня, папа, — голос Кати стал твёрже, в нём появились металлические нотки. — Ты сам создал меня. Ты дал мне жизнь. А теперь я даю жизнь другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.